

Суховой А. Н.

канд. философ. наук, доцент, Харьковская государственная академия дизайна и искусств

ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКАЯ ДИСКУРСИВНОСТЬ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Аннотация. Демонстрируется неразложимость литературного и философского дискурса Фридриха Ницше.

Ключевые слова: неклассическая философия, литературность, деконструкция, риторика.

Анотація. Суховій О. М. Літературно-філософська дискурсивність Фрідріха Ніцше. Демонструється невід'ємність літературного і філософського дискурсу Фрідріха Ніцше

Ключові слова: неklasична філософія, літературність, деконструкція, риторика.

Annotation. Sukhovey A. Literary-philosophical discursivity F. Nietzsche's. Irresolvability of F. Nietzsche's literary and philosophical discourses is demonstrated.

Key words: unclassical philosophy, literatureness, deconstruction, rhetoric.

Постановка проблемы, анализ последних исследований. Фридрих Ницше представляет собой уникальное явление в духовной жизни Европы. От своеобразного обожествления его само-экспериментальной и гениально экстремистской персоны (в XX веке многими постмодернистами) до отождествления его по меньшей мере с исчезающим адам, или, «окультуривая» его «подрывную» деятельность, — еще с одним неоромантическим (в духе Лотреамона и Рембо) или либертинским *enfant terrible*. Столь несоизмеримые, полярно противоположные оценки его произведений вызваны, на наш взгляд, не только религиозными (т.е. христианскими) верованиями, по отношению к которым Ницше представлялся однозначно как кощунствующий клеветник, или, не столь трансцендентно радикальными, всевозможными культурными аналогиями, опасавшимися за свою целостность и самоидентичность, и всеми силами своего гуманистического самоистолкования сопротивлявшихся (как вскоре в случае с Фрейдом или со Шпенглером) «сверхчеловеческому» напору безудержного трагического дионисийства Заратустры, но и изначальной литературной составляющей работ немецкого мыслителя.

Это во многом помогает объяснить, и, хотя бы в самой минимальной степени, смягчить, катастрофические последствия некоторых шовинистских, расистских и милитаристских пунктов ницшевской философии, идеологически же присвоенными и развитыми в «нужном» им направлении «новыми ариями» фашизма. Ни в коем случае не ведая речь о полной игровой апологетике ницшевского творчества, где в невыносимой для идеала строгости эпистемологически ориентированной философии сплелись все возможные и невозможные дискурсы, необходимо еще раз подчеркнуть большую сложность истолкования любых текстов, отклоняющихся или даже избегающих прямой коммуникации, что является *общепринятым условием* любого научного призвания рефлексии, и, следовательно, возможного (взаимо)понимания.

В этой связи методологически важными для данной работы являются публикации М. Хайдеггера, Г.-Г. Гадамера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, В. Подороги и др.

Цель статьи — показать неразложимость литературного и философского дискурса Фридриха Ницше.

Результаты исследования. Если воспользоваться литературно-антропологическим аналогом отношения «власть имеющих» или ее устанавливающих (политическое управление, эстетические каноны, моральные нормы и т.п.) к «безродному» претенденту, не обладающего статусом прежде всего серьезности обладания, то пародийный, неумелый (но поэтому и вредящий, демоничный) «культурный герой», вернее, его «неумелый» двойник-антипод, трикстер, обвиняется установителями правил прежде всего, как в данном случае, в «нечистоте жанра» (т.е. философского). Вот вердикт сторонника «позитивной философии» Карнапа по отношению к Ницше: «Это не философия, это поэзия, а поскольку Ницше претендует и на имя философа, он только отягощает свою вину перед философией». Этот приговор Карнапа можно рассматривать в целом как протест всей научно ориентированной философии (окончательно склоняющей голову перед методологием, скажем, естественных наук или перед математической логикой) против сведения философии к риторике, или, как в процитированном чуть выше пассаже, к поэзии.

Надійшла до редакції 06.12.2012

Сознательно, по своей воле, или по чьему-то, только на первый взгляд кажущемуся мудрым, наущению избирается философом та или иная форма изложения, вводятся явно «нефилософские» слова, персонажи и персоналии, вырабатывается сам стиль письма — судить очень непросто. Если поворот позднего Хайдеггера после экзистенциальной феноменологии (как продолжения и приложения феноменологического метода своего учителя Гуссерля) периода «Бытия и времени» к творческому, в прямом и переносном смысле слова, — к «стихийному» (где «огонь», «земля», «небо», «четверица» — своеобразные концепты философствования), медитативно-поэтическому в духе досократиков выглядит вполне убедительно ввиду его (Хайдеггера) уже свершившейся философской состоятельности, то Ницше не как уже устоявшийся миф культуры, а именно как философствующий трикстер, постоянно ускользающий, «путешествующий», перескакивающий с поверхности на изнанку и обратно, как взгляд, быстро перемещающийся по поверхности «листа Мебиуса» (Делез), стал восприниматься не как идеологическое явление (можно вспомнить рассудительно-патетическую, а не ругающуюся полемику Вл. Соловьева с ницшевским концептом «сверхчеловек»), а как родоначальник нового философствования, разнообразные побег которого были в XX веке определены Деррида словом «деконструкция».

Принципиально не поддающийся однозначному истолкованию деконструктивистский процесс «разборки-сборки» тем не менее явился, как нам кажется, наиболее адекватной попыткой не просто «познать» Ницше в картезианском или в кантовском духе, то есть свести его к определенному, фиксированному в целом набору предложений-суждений, но «прочитать» его, что требует недюжинной литературной сноровки. Однако прежде Деррида (имеется в виду его «Шпоры Ницше»[3]) деконструктивную работу самого Ницше проделал Хайдеггер, сконструировавший, по словам Гадамера, «систему отсчета, по отношению к которой высказывания Ницше выстраиваются по порядку. «То, — продолжает Гадамер, — что такая система отсчета у Ницше непосредственно не выражена, и составляет смысл данной реконструкции как метода». Критикуя нападки К.Левита на хайдеггеровскую интерпретацию Ницше, Гадамер логично замечает, что тот «рефлектирует нерелевантное, ... философствует против философии именем естественности и призывает к здравому смыслу. Но если бы здравый смысл действительно был философским аргументом, то со всякой философией давно было бы покончено, а тем самым и с призывом к здравому смыслу»[2, с. 575].

Ницше, как позже Деррида, в самом деле похож на зеркало или пробный камень для всякого, кто приближается к нему, неизбежно, если только будет последовательным (прежде всего в своей критике), выявляя, высвечивая присущий ему, так сказать «философско-мировоззренческий архетип», который действует и в философии науки, как блестяще показал Т.Кун, утверждая, например, что «когда Аристотель и Галилей рассматривали колебания камней, то первый видел сдерживаемое цепочкой падение, а второй — маятник» [4, с.163]. Подобным же образом, кроме уже названных исключительно идеологических разрешений «казуса Ницше», существуют метафизическое или же поэтическое измерение его творчества, стремящие-

ся либо к «концептуальному», либо к «фигуративному» (по выражению Делеза) способу истолкования наследия немецкого мыслителя. Повторим, что история уже знает множество подобных примеров. Реальное наполнение оппозиции «поэтический язык — философский язык» не есть константа для всех времен, но меняется от эпохи к эпохе; в принципе возможно, что философская речь в какую-то эпоху берет на себя задачи, которые в другую эпоху перенимает поэтическая речь, и наоборот [1, с.80].

Прочитанные выше слова Карнапа являются по сути выражением того требования к однозначности суждения, которое является общим и обязательным для любой эмпирической (будь то физика, химия, биология) или же имеющей дело с идеальными воображаемыми сущностями (числами) «идеальной» науки (математика). Невозможность же традиции (совокупности духовных феноменов, существующих благодаря языку) как таковой высказать какое-либо однозначное суждение не избавляет, тем не менее, никого от ответственности перед ней (2, с. 627). И продумывающий до последних, уже абсурдных пределов платонизм и христианство Ницше самовольно (совсем как трикстер в мифах и сказках) взял на себя эту всеевропейскую ответственность, преодолевая себя и традицию с доставшимся ему в наследство языком, по мере надобности демонстрируя еще не освободившиеся силы, в нем (языке) скрытые, приведшие к созданию «Заратустры» и пугающе «Веселой науки».

Однако для того, чтобы подыскать ключ к такому «неклассическому» философу как Ницше, чье влияние во многом продолжает ощущаться среди постмодернистов (в том числе в их «теологии» (Деррида), понадобился серьезный и конгениальный герменевтический анализ его работ, произведенный Хайдеггером. Собственно говоря, как наследник одной из самых честных немецких философских школ, феноменологии, Хайдеггер сохраняет высокую и спокойную (в духе Аристотеля) способность к объяснению, одновременно показывая скрытое поэтическое превосходство Ницше, что вызвало естественную критику, например, Ясперса, правда, в несколько другом отношении: «... пусть он и говорит: поэты мыслят, — однако благодаря его интерпретации проясняется 1) что они, собственно думали, — не ведая о том; 2) в чем их связывал недостаток мышления; 3) в чем сам Хайдеггер занял более высокую точку зрения, обрел более широкий обзор благодаря своему знанию бытия» [9].

Конечно, ставить имя Ницше рядом с именами Мерике, Тракля, Гельдерлина или Рильке — вопрос спорный. Поэтому само выражение «Ницше — поэт» является метафорическим, нуждающимся не только в восторженных или негодующих комментариях, но прежде всего в «парадигматическом» (знании истории бытия), экзистенциально-герменевтическом (Рикер) истолковании. Хайдеггеровская работа, носящая название «Слова Ницше «Бог мертв», — это попытка прояснить сущность нигилизма. Безусловно, сам подбор ницшевских фрагментов, афоризмов, цитат и перифраз можно объявить неслучайным и обвинить Хайдеггера в предвзятости, с помощью принципиально многозначно-литературного предшественника преследующего свои частные цели. Однако глубокое понимание смысла как отдельных слов (о чем свидетельствует их этимологическая проясненная значимость), так и ключевых для

Ницше фигур («последние люди», «шут», «безумец», «дитя», «сверхчеловек» и др.) убеждает в обратном. Задавая свои «последние вопросы», Ницше у Хайдеггера меньше всего похож на сумасшедшего поэта, прозревшего только ему одному явившиеся истины. Вычленив из него метафизические «основания» европейского нигилизма, Хайдеггер тем самым сделал возможным следующее заявление Рорти о том, что философия Джеймса, Пирса и Дьюи (т.е. прагматизма в целом) по сути ничем не отличается, а, следовательно, и не уступает ницшевской. С этим можно было бы легко согласиться, сделав при этом одну-единственную (образную) оговорку: ничем, кроме Заратустры.

Вопрос «важны ли для философских идей формы их воплощения?» остается открытым. Интеллектуальная апология Хайдеггером поэта-Ницше не дает ответа на вопрос: был бы ли услышан «безумец» (в «Веселой науке»), если бы он не бегал по площади с горящим днем фонарем и не задавал (точнее — не выкрикивал) десятки «риторических» (как шекспировский Гамлет) вопросов, создавших страшное и безответное эхо?

Мифо-поэтическая реальность как конструирование человеческого бытия, выразилась, естественно, и в том, что Ницше, как блестяще показал В.Подорога, «никогда не прекращал борьбу со стилиевой нормой немецкой философской мысли: он восстает против немецкого языка как особого, в себе замкнутого диалекта (гаранта подлинности, кстати сказать, для Хайдеггера — А.С.) европейской культуры — «языка философов», и что «область языковой самоидентификации Ницше простирается далее немецкого: быть в языке, родном языке, как будто «в чужом» — это... позиция преодоления» [7, с.145-146]. Здесь мы сталкиваемся в том числе и с «новорусской» философской позицией, где утверждается многогранный (логически — до «кольцевой» мифологической бесконечности) смысл пресловутого «Selbstüberwindung», — самопреодоления, — понятого не только в этически ориентированном направлении, предполагающего, как это часто приходится слышать, самосовершенствование в духе языческого обнаружения и поклонения “божественному без Бога”, но и как своеобразную “идеологию движения”, для которого препятствием становится буквально все — любой вид участия и ответственности, все, что требует от Ницше социальной или психической идентичности” [7, с. 145].

Понимание Ницше истины как “полезной лжи” и сведение дисциплины (философии), профессионально ее устанавливающей, к риторике, основанной прежде всего не на силе доказательств, но на мощи убеждений, приводит его к тому, чтобы дать возможность заговорить не о, например, “жизни”, как объекте сознания, но самой “жизнью”, что ведет, по выражению К.Свасьяна, «к настоящей сатурналии языка, ... языка не общезначимого, не примиренного в рефлексии, а сплошь контрабандного, стихийного и оттого безраздельно тождественного со своей стихией. Современной лингвистике логистического или соссорианского изготовления, сконструированной на языковых парадигмах типа: «Иван — человек, а Жучка — собака»... нечего делать с этим языком» [8, с. 771].

Оставляя в стороне библихинское обвинение в адрес Деррида, ответственного, по его словам, за тот хаос, творящийся в российской философской среде, нельзя не указать на двойную, а то и тройную, игру рефлексии в опусе французского постструктуралиста,

озаглавленном «Шпоры: стили Ницше» [3], способную, возможно, решить проблему восприятия инаковости, абсолютно иного, невозможно чуждую «идейным» или логистическим дисциплинам, для которых таким «другим» является маргинальный или лиминальный немецкий мыслитель и писатель.

Литературность ницшевской философии и/или философичность его литературных произведений не была обойдена вниманием и советской философией. Например, Л.Мирская и В.Пигулевский, стоя на относительно надежных еще тогда марксистских позициях, исторически точно определили значительно возросшую роль многочисленных литературных составляющих («ирония», «образ», «метафора», «символ», «пародия» и др.) философских направлений, привычно именуемых как «неклассические». В отношении Ницше такие персоналии (Делез) как «дионисийский человек», «дальний», «круг», «игра», «воля», «танец», «маска» были истолкованы как последнее выражение «трагикомической игры», «многого преодоления», «умонастроения декаданса» у Л.Мирской без заметных попыток объяснения *причин* возникновения таких персоналий, хотя, возможно, у исследовательницы были другие задачи [5]. В.Пигулевский же в довольно объемной статье [6] заявляет, что «символизм составляет сущность неклассического философствования», анализируя именно его специфическое отличие от того рода символизма, понятого в платоно-гетевском (как порождающая модель) или кантианском (как род интуиции) смысле и являющем собой скорее «эмоциональную выразительность», имманентно сопутствующей такому философствованию в результате отказа говорить на существующем языке господствующей традиции и поэтому представляющего собой «искусшение» и «эксперимент» (Ницше).

Выводы. Таким образом, демистифицировав основные понятия и представления метафизики и входящие к ним этические и эстетические начала, Ницше способствовал возвращению риторического в философию, для которого убеждение выше доказательства. Следствием его литературных экспериментов по преодолению заданного метафизикой языка мышления стало использование символа, аллегорических фигур, пародии, парадокса, афористического стиля, что является неотъемлемой чертой его коммуникативной стратегии как «трикстера» в западноевропейской метафизике.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда// Новое в современной классической филологии.— М., 1979.— С. 41-81.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики.— М.: Прогресс, 1988.— 699 с.
3. Деррида Ж. Шпоры: Стили Ницше// Филос. науки.— 1991.— № 2.— С. 118-142.
4. Кун Т. Структура научных революций.— М.: Прогресс, 1975.— 288 с.
5. Мирская Л.А. Трагическая ирония в философии А.Шопенгауэра и Ф.Ницше// Эстетические категории и искусство.— Кишинев, 1989.— С. 100-115.
6. Пигулевский В.О. Символ, пародия, парадокс в неклассической философии// Эстетические категории и искусство.— Кишинев, 1989.— С. 115-135.
7. Подорога В. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка.— М.: Ad Marginem, 1995.— 426 с.
8. Свасьян К.А. Примечания к «Так говорил Заратустра»// Ницше Ф. Сочинения в 2 т.— М, 1990.— Т. 2.— С. 770-777.
9. Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger/ Hrsg. Von R.Saner. 3 Aufl. Munchen, 1989. S. 67.